

ИНТИФАДА КАК ФОРМА ПРОТЕСТА В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ*

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Георгий Вячеславович Шишкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Данная статья посвящена изучению феномена палестинских интифад в контексте теоретического осмысления протестов на Ближнем Востоке. Анализируется комплекс социально-экономических и политических предпосылок для возникновения протестных акций, а также их динамика. Авторы приходят к выводу, что первую и вторую палестинские интифады можно вписать в более широкий контекст протестов на Ближнем Востоке. Так, «активную фазу» первой палестинской интифады можно охарактеризовать как фитну, переросшую в сауру, в то время как вторую интифаду можно описать как фитну, далее принявшую черты фауды и инкыляб с ярко выраженным насильственным характером действий с обеих сторон конфликта.

Наши предыдущие исследования (Lifintseva *et al.* 2015; Shishkina, Issaev 2017) показали, что в контексте Арабской весны можно говорить о своего рода реактуализации понятий арабо-мусульманской политической традиции, относящихся к описанию тех или иных феноменов общественно-политической жизни. Так, в частности, речь идет о таких понятиях, как «фитна» или «фауда», причем характерные черты «смуты», приобретающей перманентный характер, прослеживаются не только в арабских странах, но и, скажем, в событиях 2013–2014 гг. на Украине. Социально-политический эффект таких характеристик протестов, как их стихийность, фрагментарность оппозиции, отсутствие узнаваемых лидеров и т. д. лишь усилился на фоне развития Интернета и появления возмож-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ностей координации действий протестующих в относительно неподконтрольной правительству среде.

В то же время можно выделить ряд событий последних десятилетий, которые также носили кросс-страновой характер, но за которыми в исследовательской литературе и на уровне обыденного словоупотребления закрепилась привязка к конкретным странам – Палестине и Израилю. При этом для данных событий, как будет показано в этой статье, были характерны черты указанных выше феноменов. В этом случае мы говорим о термине «интифада», которым традиционно описываются события, происходившие на Ближнем Востоке в 1987–1993 и 2001–2005 гг., главным образом в рамках конфликта Палестины с Израилем, проявившегося в двух палестинских интифадах.

Термин «интифада» происходит от арабского корня «нафада», который означает смежное с понятиями *дрожать* (в смысле вздрогнуть), *встряхнуть* (встряхнуться), *восстановить* (восстановиться) (Darweish 1989). Интифада рассматривается как концепция, относящаяся к законному восстанию против угнетения, и впервые применялась для описания восстания социалистических и коммунистических партий в Ираке против Хашимитской монархии в 1952 г. (Rey 2013). Концепцию интифады также связывают с серией забастовок и демонстраций в Судане 1964 г., протестами в Западной Сахаре (1999–2004 гг.), событиями в Ливане после убийства Рафика Харири в 2005 г. и др. Однако в более употребимом смысле интифада понимается как освободительное движение народа Палестины (Мазен 1996; Peretz 1990; Pratt 2007), нашедшее свое отражение в двух интифадах – 1987–1993 и 2000–2005 гг.

Предыстория конфликта

В 1917 г. во время Первой мировой войны Британская империя получила контроль над Палестиной, и позже, на конференции в Сан-Ремо, Британия узаконила свой мандат, который включал в территорию Палестины земли Иордании после отклонения декларации Бальфура (предполагавшей создание на территории подмандатной Палестины предпосылок для сосредоточения и расселения еврейского народа на исторической родине) Уинстоном Черчиллем (он отдал бóльшую часть территории подмандатной Палестины для формирования эмирата Трансиордания). Но даже несмотря на это,

переселение еврейского народа продолжалось, вследствие чего еврейское население к середине XX в. увеличилось в три раза. Как раз на фоне роста еврейского населения в регионе в середине XX в. термин «палестинцы» стал относиться конкретно к арабскому населению, проживающему на данной территории, до этого же термин «палестинцы» не имел этнического окраса.

Ключевые витки арабо-израильского конфликта начинаются после Второй мировой войны. На фоне роста еврейского населения в регионе активизировалось противостояние этому процессу в виде насильственных акций со стороны палестинских арабов. В связи с накаленной обстановкой в регионе, Британия в 1947 г. решила отказаться от мандата, обосновывая это невозможностью решить противоречия между евреями и арабами (United Nations 1949). И не так давно созданная Организация Объединенных Наций уже на второй своей сессии постаралась разрешить проблему в регионе Палестины. ООН подготовила план раздела региона на два государства: арабское и еврейское (United Nations 1947). И если еврейское население приняло данную резолюцию, то ЛАГ¹ и Верховный арабский комитет Палестины (политический орган арабов времен Подмандатной Палестины) выразили свое несогласие с таким сценарием (Ahron 2002).

14 мая 1948 г. было объявлено днем образования государства Израиль, который повлек за собой объявление Израилю войны со стороны ЛАГ, тем самым началась первая арабо-израильская война. Эта война, по истечении года, привела к перемирию, в результате которого большая часть земель региона перешла под контроль Израиля: Иерусалим был разделен между Трансиорданией и Израилем, сектор Газа перешел под контроль Египта, а Западный берег реки Иордан – Трансиордании. Таким образом, позже Трансиордания выдвинула претензии на объединение арабской Палестины вместе с Трансиорданией, что привело к полной аннексии Западного берега реки Иордан. Все это привело к возникновению разногласий между Иорданией (название Трансиордании после аннексии) и другими участниками ЛАГ, после чего вопрос о создании арабского государства был практически вычеркнут из повестки.

¹ Лига арабских государств.

Статус-кво сохранялся на данных территориях вплоть до Шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.). Тогда Израиль получил контроль над восточным Иерусалимом, он отбросил Иорданию за реку Иордан и вытеснил войска Египта и сектора Газа. Таким образом, в ходе этой войны вся территория некогда Подмандатной Палестины оказалась под контролем Израиля (Cohen 1985).

За несколько лет до этого, в 1964 г., была создана ООП – Организация освобождения Палестины. ООП и ее сторонники в лице ЛАГ не признавали создание Израиля, и позже, в 1967 и 1968 гг., приняли решение о «Трех нет» (нет миру, признанию и переговорам с Израилем) и Палестинскую хартию (которая декларировала основные принципы отношения ООП к Израилю, в том числе предусматривала ликвидацию государственного образования Израиль) (Ennab 1992). Именно ООП в дальнейшем будет играть главную роль со стороны Палестины в этом конфликте. В ООП также впоследствии (1968 г.) вошел ФАТХ – Движение за национальное освобождение Палестины, официально существующее с 1965 г., главой которого являлся Ясир Арафат, который буквально через год стал главой ООП. В 1974 г. ООП получила статус наблюдателя в составе ООН, а к концу 1980-х гг. пришла де-факто к принятию границ, сформированных в 1967 г.²

Интифада как новый виток развития палестино-израильского конфликта по-разному оценивалась исследователями. Пожалуй, наиболее многочисленная группа исследований посвящена пониманию интифады как этнополитического конфликта. Так, например, Е. А. Якимова (2015) и Э. Алимиде (Alimide 2007) пишут о том, что интифада – это массовое сопротивление арабов против оккупации Израилем. Отмечается, что каждый новый виток палестино-израильских отношений исследователи стараются окрестить интифадой для облегчения анализа событий, но при этом интифада имеет свои отличительные характеристики, которые изменяются и проявляются в зависимости от факторов, определяющих на данный момент палестино-израильские отношения (Якимова 2015). Э. Алимиде расширяет понимание интифады через призму коллективного действия, которое было подхвачено палестинскими группировками, сумевшими продолжить мобилизацию большинства

² Имеются в виду права на территорию.

палестинцев на оккупированных территориях (Alimi 2007). Д. Перетс (Peretz 2019) отмечает, что интифада – это не столько масштабное народное восстание, сколько восстание, формирующее единство народа, которое, помимо экономических, политических и социальных изменений, имеет важную отличительную характеристику – процесс единения народа на фундаментальном уровне, несмотря на происхождение, место проживания, социальный статус, пол и т. д. (*Ibid.*; Khalayla 2014). Он рассматривает интифаду как этнополитический конфликт, основной фокус в котором смещен на мирные манифестации, которые в общественном понимании не ассоциируются с интифадой, так как СМИ не уделяли им соответствующего внимания.

Выделяются исследования, в которых термину «интифада» не придается особых отличительных черт. Такой ход используется, как правило, для придания названиям статей «ближневосточной» контекстности. Например, в статье «Yemen: A Social Intifada In a Republic of Sheiks» (Abu-Amr 1988: 384–405), слово «интифада» упоминается только в названии, по ходу же статьи употребляется слово «uprising».

Условно можно выделить еще один блок работ, фокусирующихся на исламском факторе в интифаде. Сюда можно отнести работы Р. Паса (Paz 1992), Б. Араджа (Araj 2012) и др. Б. Ганор (Ganor 2011), например, анализирует процессы радикализации мигрантов второго и третьего поколений в Европе, сравнивая предпосылки их обращения к радикальному исламу с теми, что наблюдались на территориях Западного берега и в секторе Газа накануне первой интифады. Ганор приходит к выводу, что, несмотря на разный контекст, оба этих кейса показывают важную роль социальных процессов и конфликта поколений в обострении ситуации.

В контексте изучения исламского фактора для целей данной работы стоит также выделить пласт работ, представляющих подход к изучению нестабильности на Ближнем Востоке через призму ислама, а конкретно через реактуализацию таких понятий, как «фитна», «фауда», «саура» и т. д. (Зеленев 2015; Shishkina, Issaev 2017).

Что касается социально-политических предпосылок возникновения интифад, то в этом случае стоит выделить работы Р. Карузо и Е. Гавриловой (Caruso, Gavrilova 2012), Л. Бомунг (Baumung 2012) и др., в которых обсуждается роль таких факторов, как «мо-

лодежные бугры», политическое насилие, мобилизация населения, влияние религиозных групп и т. д. на эскалацию конфликта.

Последний из описанных блоков статей представляет особый интерес в контексте данного исследования, так как описывает состояние общества накануне интифады по социально-демографическим и политическим характеристикам, во многом определявшим и другие конфликты на Ближнем Востоке – скажем, события Арабской весны³. И целью данного исследования является проверка предположения о том, что интифада как социальный конфликт может быть вписана в широкий контекст протестных действий на Ближнем Востоке, выходя за рамки локального противостояния двух государств. Стоит отметить, что исследователями предпринимались попытки помещения интифада в метаконтекст (см., например: Иванов 2005; Грачиков 2015), однако в этом случае мы имеем дело в основном с влиянием внешнеполитических акторов, проблемами международного терроризма и т. д., нежели с рассмотрением особенностей современных социально-политических движений.

Первая палестинская интифада. Социально-демографический анализ и предпосылки

Следуя методологии анализа социально-политической нестабильности на Ближнем Востоке с точки зрения некоторых социодемографических характеристик (см., например: Коротаяев и др. 2012; Коротаяев, Малков 2014) по имеющимся статистическим данным, применительно к изучению интифада нами были проанализированы следующие факторы: ВВП на душу населения, индекс восприятия коррупции, уровень бедности, уровень безработицы, а также ряд демографических факторов.

Итак, рассмотрим динамику ВВП на душу населения в Палестине с 1970 по 1987 г. – период времени до начала первой инти-

³ Здесь стоит выделить работы О. Винклера (Winckler 1998), Х. Урдала (Urdal 2004), А. М. Васильева (Васильев, Петров 2017), Б. В. Долгова (2012: 18–24), А. В. Коротаяева (Коротаяев и др. 2012: 28–76), Н. В. Сухова (Сухов 2013), А. Д. Саватеева (2012: 7–10), В. В. Карякина (2014: 446–457), Х. Х. Кхондкера (Khondker 2011: 675–679) и др., которые в этом контексте анализируют факторы демографического перехода, роль СМИ и пр.

фады, в который происходило становление когорты молодых людей, активно вовлеченных в рассматриваемые события (Рис. 1). Данные по Египту приводятся в качестве сравнения с ситуацией накануне Арабской весны.

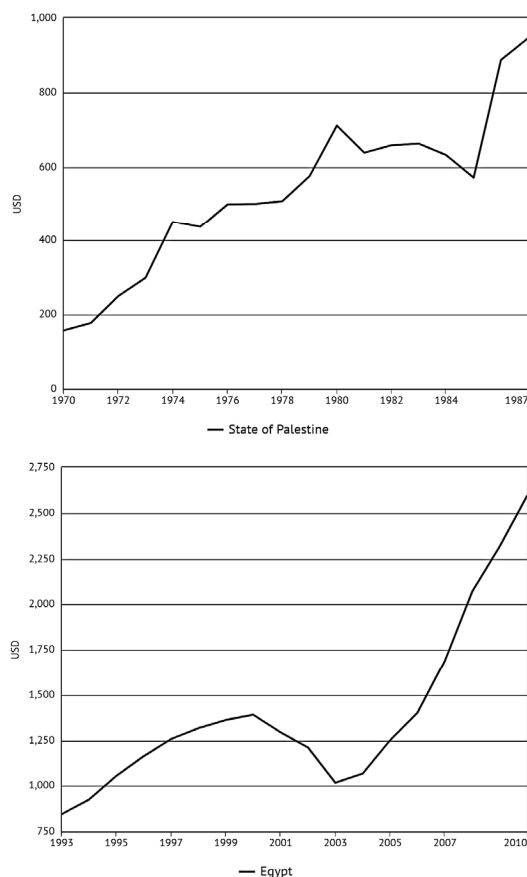

Рис. 1. ВВП на душу населения в Палестине и Египте накануне первой интифады и событий Арабской весны, соответственно

Источник: United Nations Statistics Division 2018.

На рисунке видно, что ВВП на душу населения в Палестине вырос с 1970 по 1987 г. примерно в 6 раз; даже несмотря на небольшой спад в период с 1981 по 1985 г., видно, что накануне интифады,

а именно с 1986 по 1987 г., фиксировался наиболее ощутимый рост ВВП на душу населения. В качестве сравнения приведен рост ВВП в предреволюционном Египте, и на обоих графиках виден заметный рост накануне конфликта, что говорит о наличии комплексных причин нестабильности, не связанных напрямую с темпами экономического развития (ср.: Коротаев и др. 2017; Коротаев и др. 2021: 168–193; Kogotayev *et al.* 2018).

Что касается уровня бедности в Палестине накануне рассматриваемых событий, то, согласно данным Всемирного банка (World Bank 1993), в указанный выше промежуток времени фиксировалось значительное сокращение уровня бедности, и, помимо этого, процент домохозяйств, снабженных электричеством, питьевой водой, холодильниками и стиральными машинами с 1970 по 1987 г., вырос с 30 % до 75 %, с 15 % до 67 %, с 11 % до 71 %, с 23 % до 38 % соответственно (Рис. 2).

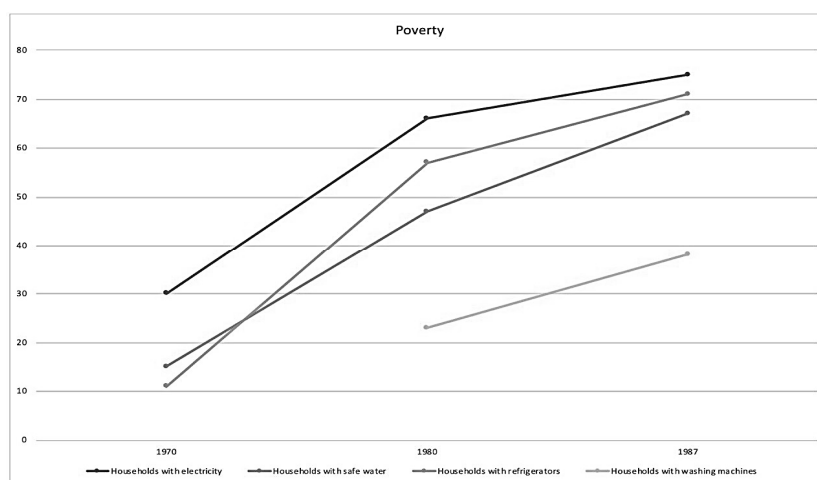

Рис. 2. Динамика уровня бедности в Палестине, 1970–1987 гг.

Источник: The World Bank 1993.

По данному критерию также можно заметить, что уровень бедности сокращался, поэтому его также не следует рассматривать в качестве ключевого фактора, приведшего к социально-политической нестабильности.

Говоря об уровне безработицы в Палестине в 1987 г., стоит учитывать, что данные собирались статистическим бюро Израиля, которое фиксировало уровень безработицы на территориях Палестины на уровне в 3,5 % (World Bank 1993), хотя, по мнению А. Абу-Шокора, реальный уровень безработицы находился на уровне 20 % (Abu-Shokor 1995). Также накануне первой интифадой, согласно работе П. Акермана и Дж. ДуВалла (Ackerman, DuVall 2001), лишь 13 % палестинцев с высшим образованием могли найти работу по профессии. Таким образом, высокий уровень безработицы, в том числе среди людей с высшим образованием, можно назвать одним из факторов нестабильности.

Переходя к демографическим факторам, рассмотрим коэффициент рождаемости и коэффициент смертности в Палестине в период перед первой интифадой (Рис. 3).

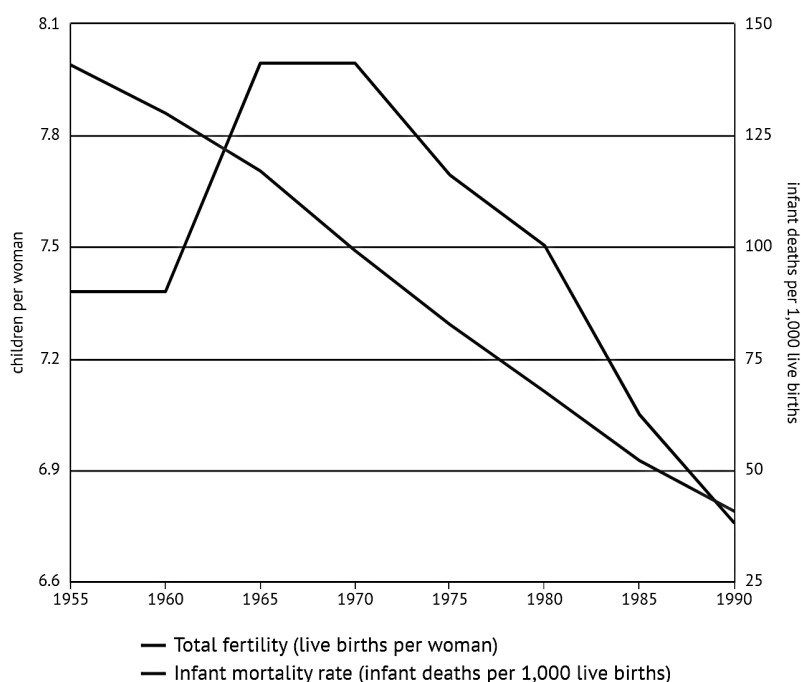

Рис. 3. Динамика рождаемости и смертности в Палестине накануне первой интифадой

Источник: United Nations Department of Economic and Social Affairs 2019.

На графике видно, что в интересующий нас промежуток времени уровень смертности, наравне с рождаемостью, снижался, однако в период с 1965 г. до начала 1970-х гг. фиксировался наибольший коэффициент рождаемости, что говорит о вероятности формирования повышенной доли молодежи в общей численности населения Палестины к началу первой интифады: так, к 1987 г. население в возрасте от 15 до 24 лет составляло 48 % от всего населения Палестины старше 15 лет (Eppab 1994).

Кроме того, стоит отметить стабильно повышавшийся уровень потребления калорий на человека – с 2300 в 1975 г. до 2750 в 1987 г. (World Bank 1993). Таким образом, данные тенденции могут быть охарактеризованы как сценарий демографического перехода, для которого характерно улучшение санитарных норм, повышение уровня жизни, резкое падение уровня смертности при медленном спаде уровня рождаемости, что в конечном счете приводит к росту доли молодежи в структуре общества. И в этом случае мы можем говорить о наличии «молодежного бугра», для которого характерен повышенный процент молодежи в общей численности населения, недовольной своим социальным положением, испытывающей трудности с устройством на работу и потенциально склонной к радикализму (Коротаев, Зинькина 2011; Коротаев и др. 2012). Суммируем вышесказанное: безработная трудоспособная молодежь накануне первой интифады составляла один из главных сегментов в демографической структуре палестинского общества. И если сравнивать социально-демографические параметры в Палестине накануне первой интифады и арабских революций, например, в том же Египте, они будут достаточно схожи, начиная с падения уровня бедности и заканчивая наличием образованной молодежи, недовольной своим социальным положением. Также стоит отметить, что все это сопровождалось повышенной социальной напряженностью из-за политики Израиля по заселению оккупированных регионов, что накаляло социальную обстановку внутри региона (Xavier 2000).

Разумеется, в данном случае наблюдался целый спектр политических причин для восстания. Помимо чувства обиды со стороны палестинцев после утраты возможности создания собственного государства, здесь стоит упомянуть поражение ЛАГ в Шестиднев-

ной войне (Cohen-Almagor 1991) и, конечно, соглашение между Израилем и Египтом в Кемп-Дэвиде в 1978 г. Из этого соглашения следовало, что на территориях Западного берега и сектора Газа будут созданы автономии, но впоследствии этот процесс так и не сдвинулся с мертвой точки. Первая палестинская интифада, таким образом, не была спланированной и подготовленной теми или иными социальными группами операцией, а была спонтанным, но имеющим свои предпосылки феноменом, который вылился в народное восстание.

Динамика развития событий первой палестинской интифады

Формальным поводом для начала интифады стало то, что в городе Джабалия в секторе Газа 9 декабря 1987 г. армейский израильский фургон сбил грузовик с палестинскими рабочими, из которых 4 погибли и 10 получили ранения. По быстро распространившимся слухам, причиной была спланированная месть за убийство израильского бизнесмена. 9 декабря начались протесты рабочих и молодежи, которые забрасывали представителей Израиля камнями. В ответ на это был открыт огонь, и погиб 17-летний палестинский юноша, что только подогрело протестные настроения (РИА-Новости 2010) и сильнее мобилизовало палестинцев.

Само же слово «интифада» появилось спустя несколько дней после инцидента, в ходе распространения группировкой ХАМАС листовок 11 декабря в секторе Газа и 14 на Западном берегу, содержавших призыв присоединиться к восстанию. Слово «интифада» использовалось в них для обозначения массовости демонстрации. Что интересно, после такого спонтанного народного восстания, которое не утихло в самом начале, контроль над ним попытались и смогли взять до этого разобщенные палестинские группировки, такие как ФАТХ, НФОП⁴, ДФОП⁵ и ПКП⁶ (которые все вместе составляли группировки внутри ООП). Они действовали теперь сообща, что помогало в развитии и мобилизации интифады.

⁴ Народный фронт освобождения Палестины.

⁵ Демократический фронт освобождения Палестины.

⁶ Палестинская коммунистическая партия.

Ненасильственный протест характеризовался полным отрицанием Израиля, отказом от израильских товаров, коммерческими бунтами, отказом от уплаты налогов, уходом палестинцев из армии и полиции, а в ответ на закрытия Израилем школ и магазинов были организованы подпольные школы и рынки на площадях (Peters, Newman 2013). Здесь можно отметить, что по сравнению с началом восстания, во время которого повестка была достаточно размыта, некоторое время спустя уже можно говорить о консолидации восстания с единой повесткой, что нашло свое отражение в распространенном в то время среди палестинцев лозунге «Правосудие, свобода, мир».

В 1989 г. израильские военные подавили основные силы интифады, и она почти угасла (РИА-Новости 2010), вследствие чего началась новая волна насилия, где стратегия ненасильственного протеста почти не использовалась. Но, несмотря на это, интифада стала олицетворением борьбы и надежды для палестинского народа, с присущими ей в основном ненасильственными чертами (Alimi 2007). Закончилась первая интифада де-юре в 1993 г. с подписанием соглашений в Осло.

Вторая палестинская интифада

Вторая палестинская интифада началась через семь лет после де-юре окончания первой, в 2000 г. И, даже несмотря на предшествовавшее ей масштабное восстание (отдельные вспышки которого регулярно фиксировались и в период между интифадами), если мы посмотрим на некоторые показатели экономического развития Палестины в период 1993–2000 гг., можно заметить, скажем, значительный рост ВВП на душу населения (Рис. 4) с небольшим падением накануне второй интифады (в данном случае, как и при анализе первой интифады, ВВП Египта накануне Арабской весны взят для сравнения темпов роста)⁷.

⁷ Египет здесь приводится как показательный кейс протестов Арабской весны.

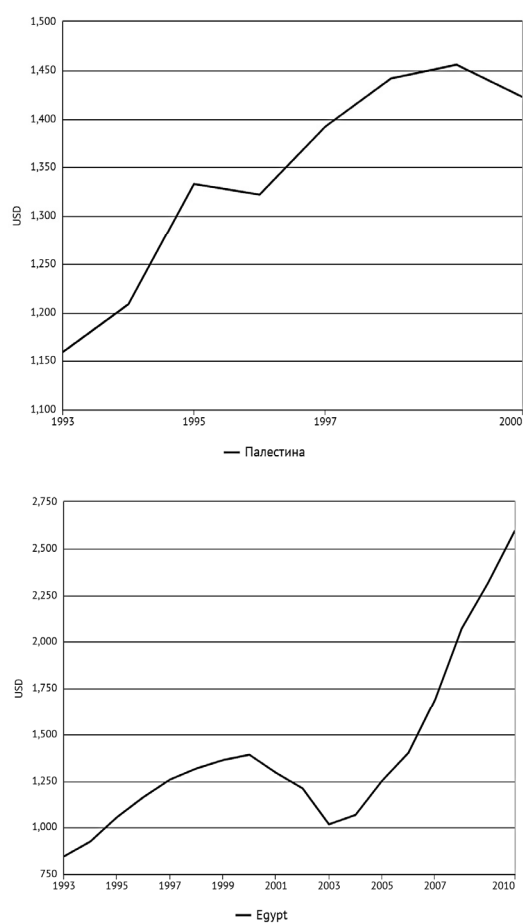

Рис. 4. ВВП на душу населения в Палестине накануне второй интифады и в Египте накануне событий Арабской весны

Источник: United Nations Statistics Division 2018.

Что касается уровня бедности, то, по данным Всемирного банка, она оценивалась в 21 % (Ajluni 2003: 64–73) от населения ПА, что говорит о росте значений данного показателя по сравнению с ситуацией накануне первой палестинской интифады. Кроме того, в период с 1996 по 1998 г. уровень безработицы упал до 10 %, но затем

в последний год перед интифадой, с 1999 по 2000 г., вырос примерно до 17,5 % (International Monetary Fund 2020), и наложение этих двух тенденций вкупе с последствиями первого восстания стало почвой, на которой возникла вторая интифада.

Что касается демографических факторов, то в период с 1980 по 2000 г. фиксировались высокие темпы рождаемости при стабильном снижении смертности, что обусловило наличие «молодежного бугра» и к моменту начала второй палестинской интифады. Так, к 2000 г. люди в возрасте 15–29 лет составляли 44 % от всего населения Палестины старше 15 лет (Department of Economic and Social Affairs 2019).

К политическим причинам начала второй палестинской интифады стоит отнести провал переговоров в Кэмп-Дэвиде относительно статуса Восточного Иерусалима и Храмовой горы, неоправдавшиеся ожидания от соглашений в Осло (Peters, Newman 2013), а также вывод в 2000 г. израильских войск с юга Ливана, что было воспринято арабскими государствами как победа «Хезболлы».

Динамика развития и итоги второй интифады

Краеугольным камнем в изучении второй интифады является расхождение мнений по поводу ее непосредственного начала. Так, по одной из версий, своим посещением Храмовой горы А. Шарон спровоцировал палестинских верующих; по другой, восстания начались спонтанно, но есть и версия, что вторая интифада была спланирована Я. Арафатом (в подтверждение приводится интервью верхушки ФАТХ [Rubin, Rubin 2003] и ХАМАС, а также его вдовы [Jerusalem Post 2012]). После провала Кэмп-Дэвида Палестина начала готовиться к возможной будущей интифаде, но и Израиль также понимал, что придется сдерживать новые волны агрессии, равно как и Шарона предупреждали, что посещение Храмовой горы может повлечь непредвиденные последствия, и его поступок (появление с тысячной охраной и последующим заявлением о том, что Храмовая гора принадлежит Израилю⁸) не мог не повлечь за собой возмущение. Но и элемент спонтанности в этих событиях отрицать нельзя, так как ФАТХ призвал выйти на улицы только после визита

⁸ Хотя находится в Восточном Иерусалиме, которую палестинцы считают своей территорией.

Шарона на Храмовую гору (BBC 2004), где его встретили протестующие, а после его ухода начали забрасывать полицию камнями (Cohen 2013).

На следующий день, после пятничной молитвы, беспорядки возобновились с новой силой в старой части Иерусалима, в этот же день во время беспорядков погибло четверо палестинских юношей, что переросло в конфронтацию с полицией Израиля. В течение следующих пары дней беспорядки, получившие свой импульс в приграничных районах, распространились на всю территорию Западного берега и перекинулись в сектор Газа.

После этого конфликт затянулся на долгие 5 лет. Вторая интифада характеризовалась очень высоким уровнем насилия. Со стороны Палестины это проявлялось в атаках смертников, их было 56 (чуть больше половины организовано ХАМАС), взрывах бомб, ракетных обстрелах и т. д. Цели были всегда разные, начиная от блокпостов и заканчивая торговыми центрами. Израиль же выбрал стратегию «подавляющей силы» и бросил против палестинцев множество танков, вертолетов Apache и бомб F-16 (Peters, Newman 2013). Во время второй интифады наблюдались и ненасильственные акции, но их было не так много, поэтому общую картину можно охарактеризовать как насилие в ответ на насилие, и этой тактики придерживались обе стороны конфликта. Такой высокий уровень насилия был характерен для радикальных исламистских группировок, которые за время после первой интифады набрали большую популярность (Wall Street Journal 2009).

Формально вторая интифада так и не закончилась, поскольку не было подписано соглашение о ее прекращении. После своего пика в 2002 г. интифада пошла на спад, а в 2004 г. скончался лидер палестинцев Ясир Арафат (РИА-Новости 2013), на его место пришел премьер-министр ПНА Махмуд Аббас (РИА-Новости 2013), а в ходе израильской спецоперации был уничтожен лидер ХАМАС Ахмед Ясин. Вторая палестинская интифада усилила раскол в обществе и привела к еще большим экономическим потерям.

Палестинская фитна

При сравнении социально-демографической обстановки накануне первой и второй палестинских интифад отмечается их значительное сходство по следующим параметрам: динамика ВВП на душу

населения (в обоих случаях фиксировался стабильный рост ВВП), уровень безработицы (в год перед началом как первой, так и второй интифады наблюдался достаточно высокий уровень безработицы в основном среди молодежи). Пожалуй, наиболее значимое различие здесь заключается в уровне бедности, который стал расти после первой интифады и, в числе прочего, обусловил более насильственный характер восстания.

Схожесть проявляется и в демографических характеристиках (ситуация накануне обеих интифад характеризовалась сценарием демографического перехода со снижением уровня смертности и постепенным снижением коэффициента рождаемости, остающимся при этом на достаточно высоком уровне; основную часть структуры общества составляла также молодежь, так, например, возрастная группа 15–24 лет накануне первой интифады составляла 48 % от населения старше 15 лет, а в преддверии второй интифады эта же возрастная группа составляла 44 % от всего населения старше 15 лет, то есть обе интифады по социально-демографической структуре общества попадали под характеристики «молодежного бугра»).

Помимо схожести тенденций накануне обеих интифад, очевидным образом просматриваются параллели с другими восстаниями в арабском мире, в частности с событиями Арабской весны. Это можно проследить при уже упомянутом сопоставлении кейсов обеих палестинских интифад и протестов в Египте. Так, например, во всех этих случаях отмечалось следующее: рост ВВП на душу населения; релевантные демографические тренды, тенденция к высокому уровню безработицы среди молодежи (однако здесь есть важное отличие: если в случае Арабской весны речь идет о преимущественно образованной молодежи, то в случае Палестины это, скорее, рабочая молодежь).

Таким образом, можно утверждать, что по социально-экономическим и демографическим предпосылкам обе палестинские интифады имели основания для начала восстания, несводимые исключительно к факторам политического противостояния между двумя территориями.

Что касается начала первой и второй палестинской интифады, то здесь также выделяются схожие элементы: так, «активная фаза» обоих восстаний длилась примерно два года и после достигала сво-

его пика, после чего подавлялась силами Израиля и затухала. А вот динамика у палестинских интифад различалась кардинально. Начать стоит со сравнения триггеров к началу первой и второй интифады: так, поводом к первой стало ДТП с погибшими палестинцами, после похорон, проходивших на следующий день, и вспыхнуло стихийное восстание. Поводом для второй интифады явилось посещение израильским оппозиционером Храмовой горы (в которую входит комплекс мечетей Аль-Акса), находящейся на территории Восточного Иерусалима, с последующим заявлением, что Храмовая гора – территория Израиля, хотя палестинцы считают ее территорией своего государства. В данном случае уже можно говорить о религиозно-политическом аспекте данной ситуации.

«Активная фаза» конфликтов также демонстрирует различия: для первой интифады были характерны ненасильственные методы, а для второй, наоборот, было характерно насилие с обеих сторон конфликта. Но при этом стоит отметить, что стихийность начала восстания была характерна как для первой, так и для второй интифады, после чего этой стихийности придавался управляемый характер со стороны некоторых палестинских акторов. Также стоит сравнить лозунги и процессы мобилизации. Так, например, лозунг первой интифады «Правосудие, свобода, мир» кардинально отличается от насильственного лозунга второй интифады «Смерть Израилю, смерть Америке», здесь можно проследить приобретение интифадой черт насильственных политических действий. Этому есть подтверждение и в процессах мобилизации, а именно в переходе от спонтанной мобилизации и тактики полного отрицания Израиля к мобилизации, связанной с исламистскими группировками и использованием боевиков-смертников.

И в этом случае стоит обратиться к термину «фитна», или «смута» – как правило, возникающая спонтанно и имеющая ненасильственный характер (Зеленев 2015). И, в зависимости от того, как происходит развитие фитны, она может перерасти либо в сауру (революцию) (Shishkina, Issaev 2017), либо в фауду (анархию), для которой характерен сценарий инкляб (вооруженного восстания)⁹, который определяется насильственным характером действий, при-

⁹ Под фаудой понимается определенное состояние в обществе, а инкляб уже говорит о характере действий.

чем не только со стороны восставших, но также и со стороны подавляющих это восстание сил (Зеленев 2012: 8–12).

Как отмечает в своих работах Е. И. Зеленев, в начале смуты имеет место локальный конфликт, после которого люди начинают стягиваться в места естественного сбора, например, площади, а затем дальнейшее развитие событий определяет, по какому пути будет развиваться фитна. И если мы говорим о начале протестов в случае с интифадами, то их можно охарактеризовать именно как фитну, в особенности применительно к первой интифаде: так, ее «активную фазу» можно отнести к фитне, переросшей в сауру, но при этом первая интифада не имела ярко выраженного исламского фактора, в отличие от второй интифады. Вторая интифада, которую в начале, буквально в течение первых двух недель, можно было описать через понятие *фитна*, далее переросла в фауду и инкыляб, так как она имела ярко выраженный насильственный характер действий с обеих сторон конфликта.

* * *

В заключение стоит отметить, что волна социально-политической нестабильности в Арабском мире, начавшаяся в конце 2010 г. с событий Арабской весны, реактуализировала некоторые подходы к пониманию и изучению протестных движений на Ближнем Востоке. Возник более широкий контекст для трактовки массовых выступлений и протестов в Арабском мире. И если в момент своего зарождения палестинские интифады, как правило, ассоциировались с палестино-израильским конфликтом и носили узкорегиональный характер, то по прошествии времени становится возможным вписать их в более широкий контекст протестных движений на Ближнем Востоке как по совокупности социально-экономических предпосылок, так и по динамике распространения протестных настроений.

Библиография

- Васильев А., Петров Н. 2017.** *Рецепты Арабской весны: русская версия.* М.: Litres.
- Грачиков Е. Н. 2015.** Гибридные войны: опыт Израиля. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология* 4: 267–271.
- Долгов Б. В. 2012.** Причины подъема протестных движений в арабских странах. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки,*

- особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 18–24.
- Зеленев Е. 2012.** Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее. *Азия и Африка сегодня* 1: 8–12.
- Зеленев Е. 2015.** Протестные политические движения в арабских странах: Fitnah. *Азия и Африка сегодня* 5: 27–33.
- Иванов В. Н. 2005.** Феномен терроризма. *Социологические исследования* 7: 63–71.
- Карякин В. В. 2014.** Современные кризисы и конфликты: особенности, сценарии развития и предотвращение. *Международные отношения* 3: 446–457.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития* 1: 127–143.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Шишкина А. Р., Иванов Е. А., Мещерина К. В., Васькин И. А., Медведев И. А., Романов Д. М. 2021.** Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем. М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16; 7: 15–21.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: ежегодник. Т. 10. Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–97.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3. Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Мазен А. 1996.** *Путь в Осло*. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока.
- РИА Новости 2010.** Арабо-израильский конфликт: первая и вторая интифады. *РИА-Новости* 4 февраля. URL: <https://ria.ru/20100204/207638170.html>.

- РИА Новости 2013.** Российские медики: Арафат умер своей смертью. *РИА Новости* 26 декабря. URL: <https://ria.ru/20131226/986591916.html?in=t>.
- Саватеев А. Д. 2012.** «Арабская весна»: симбиоз глобализации и исламских традиций. *Азия и Африка сегодня* 2: 7–10.
- Сухов Н. В. 2013.** «Запоздалая весна» в Мавритании. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 4/1. *Арабский мир после Арабской весны* / Ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД/URSS. С. 229–236.
- Якимова Е. А. 2015.** *Что такое палестинская интифада и почему ее так ждут*. М.: Ин-т Ближнего Востока.
- Abu-Amr Z. 1988.** The Palestinian Uprising in the West Bank and Gaza Strip. *Arab Studies Quarterly* 7: 384–405.
- Abu-Shokor A. 1995.** *Review of Labour and Employment Trends in the West Bank and Gaza Strip*. Geneva: UN.
- Ackerman P., DuVall J. 2001.** *A Force More Powerful: A Century of Non-violent Conflict*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ahron B. 2002.** *A History of Israel*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ajluni S. 2003.** The Palestinian Economy and the Second Intifada. *Journal of Palestine Studies* 32 (3): 64–73.
- Alimi E. 2007.** *Israeli Politics and the First Palestinian Intifada: Political Opportunities, Framing Processes and Contentious Politics*. New York: Routledge.
- Araj B. 2012.** The Motivations of Palestinian Suicide Bombers in the Second Intifada (2000 to 2005). *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie* 49(3): 211–232.
- Baumung L. E. 2012.** *Existing to Resist: Youth Bulge Theory in the Occupied Palestinian Territories*. MA Thesis. N. p.: Simon Fraser University.
- BBC 2004.** 2000: “Provocative” Mosque Visit Sparks Riots. *BBC* September 29. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/september/28/newsid_3687000/3687762.stm.
- Caruso R., Gavrilova E. 2012.** Youth Unemployment, Terrorism and Political Violence, Evidence from the Israeli/Palestinian Conflict. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 18(2): 1–37.
- Cohen E. R. 1985.** *Human Rights in the Israeli-occupied Territories, 1967–1982*. Manchester: Manchester University Press.
- Cohen H. 2013.** *The Rise and Fall of Arab Jerusalem: Palestinian Politics and the City since 1967*. New York: Routledge.

- Cohen-Almagor R. 1991.** The Intifada: Causes, Consequences and Future Trends. *Small Wars & Insurgencies* 2(1): 12–40.
- Darweish M. 1989.** The Intifada: Social Change. *Race & Class* 31(2): 47–61.
- Department of Economic and Social Affairs. 2019.** Population Dynamics. *Knoema*. URL: <https://knoema.com/UNWPP2019/world-population-prospects-2019>.
- Ennab W. R. 1994.** *Population and Demographic Developments in the West Bank and Gaza Strip until 1990*. N. p.: UN.
- Ganor B. 2011.** An Intifada in Europe? A Comparative Analysis of Radicalization Processes among Palestinians in the West Bank and Gaza versus Muslim immigrants in Europe. *Studies in Conflict & Terrorism* 34(8): 587–599.
- International Monetary Fund. 2020.** International Financial Statistics. URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B>.
- Jerusalem Post. 2012.** Suha Arafat Admits Husband Premeditated Intifada' News. *The Jerusalem Post* December 29. URL: <https://www.jpost.com/Middle-East/Suha-Arafat-admits-husband-premedi-tated-Intifada>.
- Khalayla T. M. 2014.** Palestinian Problem: Peace Resistance or Cyclic Return to Deadlock. *RUDN Journal of Political Science* 2: 89–95.
- Khondker H. H. 2011.** Role of the New Media in the Arab Spring. *Globalizations* 8(5): 675–679.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. 2018.** GDP Per Capita and Protest Activity: a Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 52(4): 406–440.
- Lifintseva T. P., Isaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Fitnah: The Afterlife of a Religious Term in Recent Political Protest. *Religions* 6(2): 527–542.
- Paz R. 1992.** The Islamic Factor in the Intifada. *At the Core of the Conflict: The Intifada* / Ed. by G. G. Gilbar, A. Susser. Tel Aviv, Israel: The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, Tel Aviv University. Pp. 68–98.
- Peretz D. 1990.** Intifada: the Palestinian Uprising. *Jewish Quarterly* 37(2): 12–18.
- Peretz D. 2019.** *Intifada: the Palestinian Uprising*. New York: Routledge.
- Peters J., Newman D. (Eds.). 2013.** *The Routledge Handbook on the Israeli-Palestinian Conflict*. New York: Routledge.
- Pratt D. 2007.** *Intifada: Palestine and Israel*. Philadelphia: Casemate/Flashpoint.
- Rey M. 2013.** How Did Opposition Forces Claim Power? The Intifada in Iraq in 1952. *L'Homme et la societe* 1: 183–204.

- Rubin B., Rubin J. C. 2003.** *Yasir Arafat: A Political Biography*. Oxford: Oxford University Press.
- Shishkina A., Issaev L. 2017.** From Fitnah to Thaura: The Metamorphosis of the Arab-Muslim Protest Movements. *Religions* 8(9): 1–9.
- United Nations 1947.** 7 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/181 (II). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29>.
- United Nations 1949.** Background Paper No. 47 (ST/DPI/SER.A/47). URL: <https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/2248AF9A92B498718525694B007239C6>.
- United Nations Department of Economic and Social Affairs 2019.** Revision of World Population Prospects. URL: <https://population.un.org/wpp/>.
- United Nations Statistics Division 2018.** National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA). URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Index>.
- Urdal H. 2004.** *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*. Washington, DC: World Bank.
- Xavier B. 2000.** *Les Palestiniens. Genèse d'une nation*. Paris: Editions du Seuil.
- Wall Street Journal. 2009.** How Israel Helped to Spawn Hamas. *The Wall Street Journal* January 24. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB123275572295011847>.
- Winckler O. 1998.** Rapid Population Growth and the Fertility Policies of the Arab Countries of the Middle East and North Africa. *Bulletin Series/Yale School of Forestry and Environmental Studies* 103: 444–466.
- World Bank. 1993.** *Developing the Occupied Territories*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/869901468780572753/pdf/multi0page.pdf>.